С КЛЕЙМОМ «ВРАГА НАРОДА»

ВАСИЛИЙ ГРИШАЕВ

ИГУМЕНЬЯ МАРИАМНА И ДРУГИЕ

1

Сначала немного истории. В 1894 г вдова чиновника, совладелица Иткульского винокуренного завода Евдокия Ивановна Судовская основала в Барнауле женскую общину. Первыми ее членами стали монахиня Парфения и четыре послушницы Троицкого женского монастыря Пензенской губернии, приехавшие по приглашению Судовской. В числе послушниц были сестры Фроловы: Ксения и Матрена (будущая игуменья). Поскольку Матрена — одна из главных фигур нашего рассказа, хочу сразу сообщить некоторые подробности ее биографии.

Она родилась в 1873 г в селе Матвеево Пензенской губернии, в семье крестьянина. В 12 лет вместе с сестрою Ксенией (та была на 10 лет ее старше) поступила в монастырь, в 15 лет уже стала рясофорной послушницей, то есть получила право до пострижения носить монашескую мантию с клобуком. (Признаться, мне трудно представить 15-летнюю девочку в таком наряде.) Она знала грамоте, была, по сохранившемуся письменному отзыву, «качеств примерно хороших и ко всякому делу весьма способна».

В 1900 г. община была преобразована в Богородице-Казанский общежительный женский монастырь. Игуменьей стала монахиня Парфения, казначеем — Матрена Фролова. К этому времени в монастыре насчитывалось 152 человека, в том числе 30 девочек от 7 до 15 лет, призреваемых на средства обители; действовала школа, в которой обучались грамоте, рукоделию, ведению домашнего хозяйства 20 девочек. Полезная деятельность монастыря этим не ограничивалась. Наверно, не только для своих нужд здесь имелись художественная мастерская с рисовальным классом, ткацкая, переплетная, швейная, свечная мастерские. Словом, монахини ("сестры") не только Богу молились. К 1920 г. число их возросло, по некоторым сведениям, до 250—300 человек.

Стараниями Судовской и на ее средства для монастыря были построены две церкви, не считая домовой, а также все необходимые помещения. Участок земли, по распоряжению царя, был выделен бесплатно.

В 1917 г. вместо умершей Парфении, настоятельницей (игуменьей) стала Матрена Фролова, принявшая в постриге имя Мариамны.

Спокойная, размеренная жизнь монастыря с началом революции кончилась. А в 1920 г. он был по чьему-то остроумному решению переименован

в «сельскохозяйственную трудовую общину». Смиренных монахинь загрузили срочными заказами по изготовлению флагов, плакатов, значков для 26-й стрелковой дивизии, свечей (6 пудов ежедневно) и т. п. Но еще больше страдали они от бесконечных «уплотнений». Из-за нехватки помещений в городе у беззащитных монахинь ультимативно, грубо отбирали одно здание за другим, стеснив их до крайности. Обращение Мариамны к председателю губревкома В. Аристову не помогло. А осенью 1920 г. их вообще выставили за ворота. Монастырь был переименован в «городок просвещения». В начале в нем разместились курсы красных учителей (второй набор), затем — сельхозтехникум, после — аж три детдома, а с середины 20-х годов и по сей день — тюрьма...

2

Изгнанные обитательницы монастыря разбрелись кто куда. Многие остались в Барнауле, поселились на частных квартирах по два-четыре человека, жили тихо, соблюдали монастырские обычаи, посильным трудом добывали пропитание. Замуж никто не выходил, даже если позволял возраст. Да и кто в ту пору рискнул бы жениться на бывшей монашке!.. Оказавшись на положении «бывших людей», они терпеливо переносили притеснения властей, партийных органов, глумление «воинствующих безбожников». Вот как одна из барнаульских домовладелиц вспоминает о своих квартирантках — монахинях Брякиной Агафье Матвеевне и Чуркиной Анисье Ивановне.

«Они были суеверными религиозными пожилыми женщинами, по характеру безобидными и добродушными. Содержали себя собственным трудом. Брякина (помоложе) брала заказы стежить ватные одеяла, Чуркина (постарше и послабее) пряла шерсть, вязала носки, рукавички. Никуда не ходили, и к ним никто не ходил, кроме заказчиц. За все три года, что они у меня жили, не было у них в гостях ни одного мужчины, в том числе и священников. Жалоб от них не слышала не только на советскую власть, но и на собственную жизнь. «Все, что делается, — говорили они, — все от Бога, значит, так нужно, нечего и роптать». В общем, это были совершенно безвредные и безобидные существа. Полагаю, что их арестовали как бывших монашек».

Кому они мешали?

Мариамна тоже осталась в Барнауле, поселилась вместе с сестрой в скромном домике на улице Пролетарской, 163, близ Покровской церкви. Сестра подрабатывала шитьем, Мариамна пекла просфоры для Покровской церкви, там же пела на клиросе (в молодости недаром учила пению девочек в монастырской школе). Помогали, чем могли, монахини. Они не забывали бывшую игуменью, часто навещали ее, вместе молились, вместе, может быть, плакали по безвозвратно ушедшей тихой и праведной монастырской жизни; поминали при этом недобрым словом советскую власть. А за что им было любить ее?.. Но если и были такие разговоры, то велись они в своем кругу и никому вреда не приносили. Вполне возможно, что «антисоветских» разговоров вообще не было. Помните: «Все от Бога, значит, так нужно, нечего и роптать».

Надо ли говорить, что органы ОГПУ—НКВД держали монахинь под неусыпным надзором и в первую очередь, конечно, бывшую игуменью. Похоже, она им спать спокойно не давала одним своим присутствием городе. Не удивительно, что ее путь по чекистским застенкам начался намного раньше, чем у остальных. Уже в 1921 г. Мариамна была приговорена к расстрелу за ... «подготовку кадров для Сорокинского кулацкого восстания».

Это восстание случилось в Причумышье в январе 1921 г. Оно вызвано продразверсткой и было вовсе не кулацким, а общекрестьянским. Какие такие кадры могла готовить для него Мариамна, из уголовного дела понять трудно.

Вроде бы наказывала бывшим монашкам, приезжавшим к ней из Причумышья, выступать против продразверстки. Но против нее весь крестьянский мир выступил! По неизвестным причинам, но вряд ли из гуманных соображений (в этом чекистов заподозрить трудно), расстрел ей заменили десятью годами заключения, а в 1924 или 1925 гг. вообще освободили из-под стражи. Но в 1925 г. вновь арестовали, правда, ненадолго, «за незаконное хранение монастырских ценностей». В 1930 г. лишили избирательных прав. («Лишенцами» были все служители культа.) В 1933 г. опять арестовали «за контрреволюционную деятельность», но через месяц освободили «за недостатком улик». Тогда еще улики требовались хоть какие-то...

4 февраля 1938 г. Мариамна была арестована четвертый раз. И на сей раз не одна. На сей раз чекисты, в дополнение к многочисленным «контрреволюционным организациям», которые они якобы «вскрыли и обезвредили» в Барнауле, решили добавить еще одну. С этой целью феврале 1938 г. ими было арестовано 67 человек: 13 монахинь и послушниц бывшего женского монастыря, 5 бывших монахов, волею злой судьбы оказавшихся в Барнауле, и 49 «активных церковников», то есть просто верующих из «социально-чуждого элемента». В это число попали несколько лиц сугубо пролетарского происхождения и даже два явных безбожника.

Этих людей, многие из которых раньше в глаза друг друга не видели, чекисты и нарекли «церковно-монархической повстанческой организацией», предъявив им обвинение в антисоветской агитации и подготовке вооруженного восстания с целью свержения советской власти в момент нападения Германии или Японии на СССР Не больше и не меньше. Впрочем, обвинение было шаблонным, оно предъявлялось каждой сфальсифицированной «контрреволюционной организации», будь это десяток замордованных «кулаков» или даже группа китайцев, почти ничего не понимавших по-русски.

У каждой организации должно быть руководство, штаб. Роль главного руководителя драматурги из НКВД отвели протоиерею Покровской церкви Пульхрову Ивану Николаевичу. Неважно, что он еще в сентябре 1937 г. был расстрелян, причем по другому обвинению, тоже ложному: за принадлежность к «РОВС». Ближайшими помощниками Пульхрова, волею чекистов, стали монахиня Мариамна и, словно в насмешку, убежденный безбожник Петр Семенович Селицкий, 64-летний пенсионер, инвалид. Заметим, что в протоколах допроса Пульхрова эти лица даже не упоминаются.

Немного о Селицком. Чекисты произвели старика не только в «активные церковники», но и в помещики, хотя таковым он сроду не был. До революции у себя на родине, в Смоленской губернии, служил управителем на частном небольшом лесозаводе, затем на маслозаводе; богатства не нажил; революцию встретил с энтузиазмом, активно участвовал в мероприятиях советской власти, избирался членом месткома профсоюза (об этом свидетельствуют документы по реабилитации). В Барнаул приехал в 1924 г в качестве представителя Всероссийского синдиката маслобойной промышленности по заготовке семян масличных культур, да так здесь и остался. В 1934 г. вышел на пенсию по возрасту и здоровью. По отзывам сослуживцев был тихим малоразговорчивым человеком, но «богов никаких не признавал». Подстать ему была и жена Евгения Васильевна. В доме у них и малой иконки не было, и верующие соседи сторонились их, называли коммунистами.

У Селицких было четверо взрослых детей, жили они замкнуто, «своей семьей», видимо, не чужды были культурных интересов: в доме имелось пианино, впоследствии присвоенное одним из сотрудников НКВД.

Как же получилось, что явный безбожник стал одним из руководителей «церковно-монархической организации»? Очень правдоподобное объяснение этому дает его дочь Рина Петровна. Причиной ареста родителей, по ее словам, стало то, что чекистам приглянулся их дом (тогдашний его адрес: улица Короленко, 12). Однажды к ним заявился один из них, все осмотрел, а дня через два вернулся с ордером на обыск и арест. «Когда отца стали выво-

дить, — вспоминает Рина Петровна, — сотрудник спросил, за кем числится дом. «За женой», — ответил отец. — «Тогда и вы собирайтесь», — скомандовал сотрудник маме...»

(Добавим к этому, что арестованы они были без санкции прокурора.)

Все это очень похоже на правду. Дело в том, что в управлении НКВД вновь образованного Алтайского края часть сотрудников, прибывших из других мест, оказалась без квартир. И вот начальник управления капитан госбезопасности Попов придумал простой и быстрый способ решения жилищной проблемы: он стал вселять своих людей в дома арестованных «врагов народа», семьи которых, если тоже не арестовывались, немедленно выбрасывались на улицу. Кстати, сам Попов вселился таким же способом в дом врача А. П. Киркинского.

А к церковникам Селицких пристегнули скорей всего потому, что ничего более подходящего в данный момент не оказалось.

Забегая вперед, скажем, что, судя по протоколам, их допросили всего по одному разу, они полностью признались в своих преступлениях и были по решению тройки при управлении НКВД Алтайского края расстреляны. Но в ходе реабилитации выяснилось, что подписи их под «признаниями» оказались поддельными. Этот факт свидетельствует о редкостном мужестве супругов Селицких: далеко не каждый мог устоять перед палачами из НКВД.

3

Следствие по делу «церковников» было проведено примитивно и грубо. В сущности никакого следствия не было и допросов настоящих не было. Они сводились к одному: принудить арестованного подписать заранее составленный протокол. Тяжкое впечатление производят эти протоколы — продукт убогой фантазии следователей. Ложь в них лежит на поверхности, ничем не прикрытая. Все они сделаны, как говорят, на одну колодку, по примитивному шаблону и отличаются один от другого разве что фамилиями. Каждый начинается с грозного вопроса: «Следствию известно, что вы являетесь членом церковно-монархической организации. Признаете себя виновным?»

Ответ: «Отрицаю».

Следователь: «Врете. Вас изобличают тот-то и тот-то».

Ответ: «Будучи окончательно изобличенным (!!), решил дать чистосердечные показания».

И пошло-поехало: завербован тем-то, сам завербовал того-то, вел антисоветскую агитацию и т. д. и т. п. И в конце — подпись дрожащей рукой, стариковская, малограмотная. Один «признательный» протокол на каждого обвиняемого — вот и все следствие, вот и все доказательства...

Протокол допроса Мариамны — тоже единственный, но отличается от других размерами: в нем 15 страниц машинописного текста. Это, надо полагать, главный протокол всего «следствия» по делу «церковников». Вне всякого сомнения, он был тоже составлен заранее, «откорректирован» старшими начальниками, затем отпечатан. Следователю, младшему лейтенанту госбезопасности Жуку, оставалось лишь получить подпись, что он и проделал с успехом, хотя и не сразу. Протокол датирован 14 февраля, а Мариамна арестована, напомню, 4 февраля. 10 дней понадобилось, чтобы сломить 65-летнюю старушку.

Как и в других протоколах, Мариамна вначале отрицает свою вину, но следователь грубо обрывает ее: «Прекратите лгать! Следствию известно и т. д.» Мариамна: «Видя дальнейшее запирательство бессмысленным, я решила говорить следствию только правду».

Думаю, нет надобности подробно пересказывать все 15 страниц этой «правды», тем более, что правда там не ночевала. Изложу лишь суть.

После закрытия монастыря, «будучи озлоблена против советской власти»,

она сразу же приступила к контрреволюционной деятельности. С этой целью разослала монашек по деревням для организации нелегальных церквей «в виде моленных и келий», куда они должны были втягивать верующих и проводить с ними контрреволюционную работу, сеять недовольство советской властью, «создавать волынки» среди крестьян, срывать продразверстку и т. д.

В 1921 г. познакомилась в Покровской церкви с протоиереем Пульхровым, спросила его: «Что делать?» Он ответил: «Нам надо, не щадя себя, вести борьбу с советской властью, быть верными сынами церкви, сподвижниками патриарха Тихона».

В 1934 г. при помощи Пульхрова, создала ядро контрреволюционной группы, в дальнейшем, с помощью бывшей монашки Брякиной, попадьи Заводовской, бывшего помещика Селицкого и его жены, развернула группу в организацию. Оборудовала в своем доме нелегальную церковь — моленную, которая стала штабом организации. Здесь периодически собирала участников и давала им установки для дальнейшей работы. Завербовала 46 монашек и «активных церковниц».

В протоколе перечислены их фамилии, указаны возраст и адрес каждой. Возраст «заговорщиц» был, прямо скажем, великоват: от 45 до 75, а в среднем — под 60. Проживали некоторые из них в Новосибирске, Томске и даже в Алма-Ате. Интересно, что арестовано было из этого списка всего 10 человек, остальные даже не допрошены в качестве свидетелей. О чем это говорит? Только не о том, что следователи всерьез верили в выдуманную ими «церковно-монархическую организацию». Больше похоже на то, что их очень торопили.

Далее Мариамна «призналась», что по ее заданию монашки создали повстанческие группы в районах: Меркулова в Сорокинском — 10 человек, Горбачева в Павловском — 15, Сяйлева в Каменском — 35. Поверить в это мешает даже возраст предводительниц повстанцев: Меркуловой Ефросинье было 55 лет, Горбачевой Павлине — 67, Сяйлевой Арине — 66. Но чекистов такие «мелочи» не смущали...

4

Как принуждали женщин подписывать «липовые» протоколы, рассказали позже те из них, кто получили «всего» по десять лет лагерей и остались живы. Послушаем их.

Заборовская Александра Фаддеевна, 45 лет.

«Следователь спросил лишь биографические данные и какую церковь посещаю. И больше ни о чем, остальное время сидел и писал. Вошел другой сотрудник, спросил меня, знаю ли я Дербину Марию Васильевну. Ответила: «Нет». — «А она дала на вас показания».

Закончив писать, следователь предложил подписать протокол. Я попросила разрешения прочесть. В протоколе говорилось, что я состояла в «церковно-монархической организации», перечислялись фамилии людей, с которыми я будто бы встречалась и вела антисоветскую агитацию. Я сказала, что все это неправда и подписывать не стану «Будет хуже», — ответил следователь. Раньше бы не подписала, но, просидев в тюрьме около месяца, наглядевшись на мучения арестованных, решила подписать, чтобы сохранить здоровье. В протоколе — все ложь, какой я во сне не видывала. Дербину узнала лишь в камере. Она рассказала, что никаких показаний на меня не давала. Ее обо мне даже не спрашивали. Это была дряхлая старушка, она умерла в тюрьме...

В 1911 г я вышла замуж за псаломщика Заборовского, сына сапожника, сосланного в Сибирь. Последнее время он служил протодьяконом в Барнауле, 20 июля 1937 г. был арестован органами НКВД. За что, не знаю. Для меня

ясно одно, что я была оклеветана, жестоко наказана, однако для чего и кому это было нужно, не могу себе представить..."

Допрашивал Заборовскую младший лейтенант госбезопасности Лукьянчук.

Верещагина Клавдия Андреевна, 47 лет.

(Из жалобы прокурору)

«Причиной моего ареста послужило не преступление, его не было и нет, а то, что мой муж — священник — арестован органами НКВД в августе 1937 г. и осужден на 10 лет лагерей. Меня обвинили в антисоветской агитации. Но я никогда ею не занималась, я человек весьма замкнутый, обремененный семьей (четыре дочери), вдобавок непопулярность работы мужа — из-за всего этого не находила себе среды знакомых и друзей. Кого же я могла агитировать?

У меня больное сердце, слух скверный, зрение потеряно на 75 процентов. В тюрьме значусь инвалидом. Поставили портнихой, стараюсь изо всех сил, хотя по здоровью представляю непогребенный труп. Имею стахановский билет. Все делаю, чтобы поняли, что я не враг советской власти...

Мой отец — бедный крестьянин, в семье было 14 детей. Воспитывалась в чужих людях, в молодости познала горе и к старости хорошего не видела...»

Прокурор постановил жалобу оставить без последствий на том основании, что Верещагина во всем призналась, а кроме того, является «социально-чуждым элементом» — женой попа.

Гусева Анна Михайловна, 56 лет, бывшая послушница Барнаульского женского монастыря, до ареста — работница швейной фабрики.

«Вместе со мной на швейфабрике работали 24 женщины, все вдовы. Меня обвинили в том, будто бы я вела среди них антисоветскую агитацию. Больше ни о чем не спрашивали. Я вину не признала, тогда следователь Терехин поставил меня на ноги и заявил, что если я не подпишу протокол, то он сделает мне что-то очень плохое. Я подписала. Помню, как он ехидно усмехнулся, когда меня выводили...

Пяткова Прасковья Степановна, 61 год.

«На допросе никаких обвинений не предъявили, протокол не зачитали, но следователь Лукьянчук заставил подписать. Что там было, не знаю. Суда не было, а отсидела 10 лет. Вся моя вина в том, что была членом церковной общины. Думала, что не совершаю преступления, ведь исполнение обрядов разрешено законом...»

По свидетельству дочери Пятковой, отец у них умер в 1908 г. мать осталась с четырьмя детьми, работала прачкой, потеряла здоровье. В церковь ходила редко.

Ложкина Агафья Кирилловна, 38 лет, член общины старообрядческой церкви.

«Следователь Каплан зачитал протокол, из которого узнала, что я член какой-то организации, занималась антисоветской агитацией и т. д. Я отказалась подписать, он заявил: «Не подпишете — заставим. Все равно ваше сопротивление бесполезно». И я подписала. Палец приложила...»

Муж ее Кузьма Евлампиевич так пишет в заявлении в НКВД: «За что жену арестовали, не знаю. Она от родителей осталась восьми лет и с малых лет до замужества жила в прислугах. Неграмотная. Никакой антисоветской агитации не вела. У нас четверо детей: грудной ребенок, два малолетних мальчика и дочь — инвалидка (парализованы рука и нога). И сам я инвалид-пенсионер».

Одна из женщин, Заводовская Татьяна Степановна, 61 год, жена репрессированного священника, отказалась подписать протокол. Сидевшая с ней в одной камере А. Ф. Заборовская вспоминает: «Вернувшись от следователя, она очень плакала и говорила, что никогда не подпишет такую страшную ложь...»

Это ей не помогло. Она была расстреляна.

С мужчинами обращались круче. Вот что показал один из осужденных, уроженец Барнаула Калинин Владимир Михайлович. До революции он был ломовым извозчиком, перед арестом — печником, а в годы НЭПа якобы торговал крупным рогатым скотом, за что и оказался на учете в НКВД как «социально-чуждый элемент» (торговец). «Меня били, держали четверо суток на ногах без пищи и воды, сажали на угол табуретки. Что подписал, не помню. Пока был в сознании, следователь Каплан показывал на кабинет, откуда слышались нечеловеческие крики, стоны и говорил: «Тебя ждет то же самое».

5

Поражает жестокость, с какой обрекали на страдания и гибель честных, порядочных, работящих людей, виноватых лишь в том, что они верили в Бога. Вот еще несколько примеров.

Андреевских Семен Дмитриевич, 72 года, «кулак», бежал из нарымской ссылки, пешком добрался до Барнаула, жил, скрываясь в сторожке Покровской церкви. Несчастного, все потерявшего старика обвинили в том, что, проходя по деревням (из Нарыма), он вел антисоветскую агитацию. И расстреляли!..

Извеков Иван Софронович, 66 лет, до революции — монах, после — священник на Дальнем Востоке. В 1930 г. осужден органами ОГПУ на два года лагерей «за антисоветскую агитацию», в 1934 г. — на три года ссылки за то же. Ссылку отбывал в Барнауле, жил из милости в сторожке Знаменской церкви, работу найти не мог: ссыльного попа нигде не брали. Арестован как японский шпион (все, кто прибывал с Дальнего Востока, зачислялись в японские шпионы), вдобавок обвинен в принадлежности к «церковно-монархической организации». Расстрелян.

Порубов Григорий Филиппович, 42 года, бывший священник из Краснощековского района. После закрытия церкви жил в Барнауле с женой и двумя дочками, трех и шести лет, без квартиры, без прописки, без работы, нанимаясь за кусок хлеба топить печи, пилить дрова и пр. Расстрелян.

Надеждин Всеволод Михайлович, 50 лет, священник из Башкирии. В 30-х годах отбыл две ссылки — в Игарке и Норильске. В Барнаул, по направлению НКВД, прибыл в январе 1938 г. в феврале арестован, в марте расстрелян. На родине остались жена и девять детей. Два сына позже погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

Найдин Василий Антонович, 67 лет, до революции — монах, после — священник в селах Косихинского и Усть-Пристанского районов, с июля 1937 г. — сторож магазина в Барнауле. Расстрелян.

К «церковникам» пристегнули и членов религиозной секты «иоаннитов» — семью Родиных: жену, мужа, двух сыновей и дочь. Родителей и одного сына расстреляли, второй сын и дочь получили по десять лет лагерей. Перед этим их раскулачили. Погибла крепкая крестьянская семья.

Этот скорбный список можно продолжать и продолжать...

6

Судила «церковников» (если это можно назвать судом) тройка при управлении НКВД Алтайского края. В ее состав, как известно, входили: первый секретарь крайкома партии (председатель), начальник управления НКВД и краевой прокурор. Судили их в две очереди. В первой, 4 марта 1938 г., прошли 14 человек во главе с Мариамной; все приговорены к расстрелу; во второй, 14 марта — остальные 53. Из них 28 приговорены к расстрелу и

25 — к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Ни один не был оправдан. Приговор приведен в исполнение в Барнауле 11 марта (14 человек) и 7 апреля (28 человек). Всего, таким образом, было расстреляно 42 человека, в том числе 17 женщин — каждая вторая...

Не могу без внутренней дрожи представить, как выводили поздним вечером в ближайший лесок — постоянное место расстрелов — узников Барнаульской тюрьмы, этих несчастных стариков и старушек, как брели они, плача и бормоча молитвы; может, даже за палачей своих молили: «Прости их, Господи, ибо не ведают, что творят...»

В ноябре 1956 г. все они были реабилитированы «за отсутствием состава преступления».

Из следователей-фальсификаторов никто наказания не понес. Терехин к тому времени перебрался в управление милиции Саратовской области, Лукьянчук — в управление КГБ Полтавской области, Жук умер, о Каплане сведений не найдено. Что следователи!

Они были только винтиками в страшной репрессивной машине...